

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ МАРК ГРОССМАН

Сложил бы строчку и сберег

*Сложил бы строчку и сберег,
Знал цену каждому словечку,
Когда б привал на малый срок,
Когда б копилку или свечку.
Но ничего в дороге нет.
Визжат, давясь песком, снаряды.
Слепой холодный свет ракет
Колблется от канонады.
За каждой жизнью — пуля следом,
И каждый шаг — удар штыка,
Но так рождается победа
И добывается строка.*

Северо-Западный фронт, июнь 1941.

Блестит на травке первый иней

*Блестит на травке первый иней,
Хрустит под унтом ломкий лед.
На горизонте небо синее,
Уходят летчики в полет.
Иной и шутит, и беспечен,
Как будто гладкий выпал путь,
А он уж пулю примечен,
Ему и дня не протянуть.
Мне говорят: «Зачем лукавить?
Пусть каждый будет сам собой.
Судьба солдата нелегка ведь,
Так не заигрывай с судьбой...»
Я все же — за милую браваду,
Хоть нелегка она вдвойне,
Ведь жить-то надо, драться надо,
И на войне — как на войне!*

Старая Русса, 1941.

Мальчик на дороге

*Мальчишка мне попался на дороге,
Он шел, смотря из-под опухших век —
Русоголовый, маленький и строгий,
Узнавший горе русский человек.
Его станцию пушками разбили,
Чужие люди в дом вошли и в сад,
Где папа с мамой мальчика любили,
Где папа с мамой мертвые лежат.
Трепали крыши от огня в колхозе,
Бродил в лоцинках, запынаясь, дым,
Ревели танки, сокрушая озимь,
И мальчик шел. И пепел плыл над ним.
Земли сожженной черное молчанье.
В его глазах отчаянье и страх.
...А в этот день шутили англичане
в кругу своих детей. На островах.
А в этот день, закованные в панцирь,
На якоря поставив корабли,
Крутили патефон американцы
От плачущего мальчика вдали.
Он ковылял усталое по проселку
И вдруг увидел нас в пыли, в дыму.
Мы в этот день форсировали Волгу.
Мы шли к нему. К мальчишке своему.*

Волга-Дон, 1942.

Бамада об уральском танке

МИХАИЛУ ЛЬВОВУ

*Снаряды грызли землю Сталинграда.
Вскипала Волга. Мертвый плыл паром.
Горбатый, грязный, как исчадь ада,
Немецкий танк поднялся над бугром.
Он пол-Европы траками поместил,
Броней сметал он все перед собой.
И вот стоит у Волги на рассвете,
От выбоин и вмятин весь рябой.
Еще мгновение — и на этом танке
Опустят люк. Рванется танк, дрожа.
Начнут полосовать его болванки
Тяжелое железо блиндажа.
Еще мгновение...
Но в раскатах грома
Стоявшая в укрытье до сих пор
Рванулась из-за рухнувшего дома
Уральская машина на бугор.
Провыл снаряд немецкой пушки куцей.
Но шел наш танк по прежнему пути.
И понял враг: ему не увернуться,
От лобовой атаки не уйти.
Они сцепились, будто в рукопашной,
Сшибая бронированные лбы.
И замерли заклиненные баши.
И оба танка встали на дыбы.
...Мы шли вперед знакомыми местами,
Оставив на высоком берегу
Машину с опаленными крестами,
С оборванными траками в снегу.
А рядом с нами, медленно и грозно,
Весь в ранах и рубцах, без тягача,
Шел танк уральский по земле морозной
Магнитогорской сталью грохоча.
В пути спросил один солдат другого:
— Ты, кажется, с Урала, побратим!
И руку он потряс ему без слова.
И все без слов понятно было им.*

Сталинград-Котельниково, 1942.

Когда честные люди умирали, защищая Родину, черная дырка наведенного «люгера» бросила Замшелого к ногам врага

ВЫСТРЕЛ ИЗ ПРОШЛОГО

ВРЕМЯ ЕЩЕ БЫЛО, и Замшелый, присев на гравий у железнодорожного полотна, достал из кармана шкалик.

Темноту позднего июльского вечера разбавлял свет из окон сварочного цеха, а мертвую тишину разбивало звонкое та-та-таканье компрессора.

Все корпуса и проходная завода ЖБИ были расположены далеко от цеха сварки. Это устранило капельку захмелевшего Замшелого. Помешать ему мог лишь дежурный электрик, но этот лодырь спит у себя в электрическом закутке. А дело, по какому, крадучись, пришел сумрачный человек — Замшелый, стало для него жизненно важной потребностью. Сегодня все решится, иначе он сойдет с ума или умрет от сердечного приступа в холостяцком доме на отшибе.

Тридцать пять лет назад, когда честные люди умирали, защищая Родину, черная дырка наведенного «люгера» бросила Замшелого из холода в жар, и он рухнул к ногам врага, а сопляк-офицер хотел только покуражиться над перетрусившим «иваном», для того и вынул из кобуры парабеллум...

Карьера предателя завершилась с бегством фашистов, но он успел так запачкаться, что, кроме виселицы, от соотечественников его ничто не ждало. Замшелый прикрылся документами убитого им русского солдата. А убивать ему приходилось. Правда, оберегая морду от плевков, он набравшись стрелять в затылки: до сих пор ощущается тяжесть отдающего в руку пистолета.

Выбрав небольшой южный городок, Замшелый пристроился в нем. Необходимое немногословие о делах фронтовых Замшелый скромно объяснял тем, что, мол, разведка... дело такое... тут много не поговоришь... Доверчивые люди с уважением поглядывали на «фронтовика»; с фронтовиками же (не дай бог, разоблачат) он старался не разговаривать вообще и прослыл в их среде контуженным чудачком. Жениться Замшелый не решился из тех же соображений конспирации, опасаясь как-то проболтаться во сне. Ночи для него были сущим адом.

Ему снился один и тот же сон: он утирает с морды рукавом кровавую слюну одной из своих жертв... С уголовной бранью Замшелый вскакивал с постели, намыливал и смывал, намыливал и смывал приснившуюся явь.

КОЛМАЖ МАРИНЫ НИКОЛАЕВНОЙ

Жить одному невозможно, и он всегда с облегчением встречал утро. Он чувствовал себя лучше среди людей и все старался (хоть для себя) реабилитироваться, работая во вторую смену, уходил домой раньше, разумеется, выполнив сменную норму. Игорь в любом случае работал до двенадцати. Сначала на него косились, но потом привыкли к «буквоедству» парня. И Замшелый с завистью замечал, что мужики уважают Оводов, а бабы, по лексикону Замшелого, вообще «валились с копыт» от одной его улыбки. Замшелый сам почти любил Игоря, но любить ему мешало прошлое, и любовь превращалась в оглушающую ненависть.

Короткие летние ночи стали для Замшелого нескончаемыми, водка перестала помогать, прозябать становилось невозможно.

В одну кошмарную ночь Замшелого осенило: «Да! Да! Тысячу раз да!.. Он и сам — Замшелый —

бобал играючи. Не один, конечно, Оводов был на заводе порядочным человеком, но яркий парень очень уж мозолил Замшелому глаза. В предпраздничные дни сварщики, работая во вторую смену, уходили домой раньше, разумеется, выполнив сменную норму. Игорь в любом случае работал до двенадцати. Сначала на него косились, но потом привыкли к «буквоедству» парня. И Замшелый с завистью замечал, что мужики уважают Оводов, а бабы, по лексикону Замшелого, вообще «валились с копыт» от одной его улыбки. Замшелый сам почти любил Игоря, но любить ему мешало прошлое, и любовь превращалась в оглушающую ненависть.

Короткие летние ночи стали для Замшелого нескончаемыми, водка перестала помогать, прозябать становилось невозможно. В одну кошмарную ночь Замшелого осенило: «Да! Да! Тысячу раз да!.. Он и сам — Замшелый —

был таким же, как Оводов, и если бы не война, если бы не тот холерный шенок с пистолетом, жизнь его сложилась бы по-иному! Так в чем? В чем его вина?! Просто не повезло...»

«Озарение» требовало подкрепления реальностью. И, решившись, Замшелый достал из погреба законсервированный пистолет, привел его в боевое состояние и стал ждать подходящего случая. Ничего страшного он не задумал... Он, изменив внешность, сунет под нос сосунка заряженную «пушку» и полюбуется, как Оводов заползает перед ним на коленях... И все! И больше ничего!..

Допив водку, Замшелый напялил на себя бесформенную дерюгу, на голову натянул капроновый чулок. Озираясь, он подошел к цеху и заглянул в окно. Игорь в полном одиночестве собирал проволочные каркасы на контактной сварке. Под умелыми руками работа спорилась, рыжие искры рассыпались по цеху, а сваренные каркасы нанизывались на упаковочный кронштейн.

С рукой, опущенной в карман, Замшелый подкрался к парню. Игорь, услышав чье-то присутствие, обернулся и увидел ствол наведенного на него пистолета.

— Руки вверх!!! — прокричал Замшелый. — На колени!!!

Ударом ноги Оводов выбил оружие из руки выродка и, опережая его, схватил пистолет.

Замшелый трясушимися руками содрал с головы чулок и испуганно залез безил:

— Вот... вот, Игорек... Так я и знал... Ты уж прости старика... Мы тут с друзьями выпили и заспорили о молодежи... Все говорили, что молодежь никудашня... Я не соглашался... Вот, решили испытать... А ты... молодец... А пистолетик именной... Окинув Замшелого взглядом, Игорь покачал головой и, отдавая старику пистолет, укоризненно произнес:

— Ну и шутки у вас, дядя Миша... — Да уж, шутки... — перешел на рык вооруженный Замшелый. — Шутки, Игорек... По звериному блеску глаз Замшелого Игорь понял, что обречен, и до выстрела плюнул в глаза бешеной собаке...

Шатаясь и нервно икая, Замшелый вышел из цеха и, перекрывая голосом безучастную трескотню компрессора, дико закричал... **ЮРИЙ ШЕКАЛЕВ.**

На привале

Нам выпало так мало тишины

*Где наших дней безоблачных начало?
Нам выпало так мало тишины...
На заграждения минные бросало,
Но мы не глохли в грохоте войны.*

*И если вновь ударит непогода —
Мы выстоим, как надо, жизнь любя...
В конце концов за прожитые годы
Нам просто не в чем упрекнуть себя.*

Баня

*На привале, на стоянке,
После схватки боевой
Хорошо помыться в баньке,
Жарко топленной, парной.*

ВИТАЛИЙ ЮФЕРЕВ

*Из дубового ушата —
Что ж приятней может быть —
Тело грешное солдата
С головы до ног облить.
Не теряй минуты даром,
На полк влезай скорей
И каленым, жгучим паром
Пропитайся до костей.
— Эй, приятель, не жалея, еще поддай!
Для солдата банька — сущий рай!
Кипяточек для солдата — что вино!
Пар и венчик — удовольствие одно!
Для солдата теплый строганный*

*полк —
Словно дома побывать всего чуток.
Как тут силы не набраться,
Семь потов не смыть сполна?
Смыл грехи — и снова драться,
Снова в бой, на то — война.*

